

Термен Альфред Иосифович

**Среди бурят Иркутской
губернии и Забайкальской
области: Очерки и
впечатления**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А59

А59 **Альфред Иосифович Т.**
Среди бурят Иркутской губернии и Забайкальской области: Очерки и впечатления / Термен Альфред Иосифович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 146 с.

ISBN 978-5-519-76535-0

ISBN 978-5-519-76535-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

причтомъ. Мракъ въ церкви, мракъ вокругъ нея. Такъ въ Хоготъ на всенощной 7-го Октября было въ церкви всего лишь 8 человекъ: жена священника отца Михаила, одинъ старикъ и я, затѣмъ пришли 5 переселенцевъ-ходоковъ, только что прибывшихъ изъ Россіи. Вечеръ былъ ненастный, мокрый снѣгъ падалъ въ перемежку съ дождемъ; въ холодной, пыльной церкви горѣло счетомъ 4 трехкопѣчныхъ свѣчи; діакона не было, пѣла жена священника. Аналой вынесъ самъ отецъ Михаилъ.

Трудно передать то тяжелое чувство, которое охватываетъ человека прибывшаго изъ Россіи и привыкшаго видѣть благолѣпіе въ храмѣ. Мрачная, холодная, бѣдно обставленная церковь не можетъ привлекать.

Я купилъ 30 свѣчей и раздалъ ихъ переселенцамъ. Церковь засіяла.

— „Выхожу изъ алтаря“, рассказываетъ мнѣ потомъ отецъ Михаилъ, а вся церковь освѣщена,—и такъ это мнѣ отраднo стало, давно я не видѣлъ въ церкви такого освѣщенія... какъ-то душа согрѣлась“!

Русскіе священниковъ своихъ не уважаютъ, а между тѣмъ встрѣчаются священники съ самыми лучшими и искренними желаніями поднять духовный и матеріальный бытъ населенія. Но, къ сожалѣнію, они являются единичными воинами въ полѣ.

Такъ, въ Торей познакомился я съ отцомъ Тихономъ Якимовымъ (селеніе Торей находится верстахъ въ 160 отъ Селенгинска вверхъ по теченію рѣки Джиды и туда за послѣдніе 6—7 лѣтъ, какъ мнѣ говорило населеніе, никто изъ начальства не заглядывалъ).

Отецъ Тихонъ человекъ трезвый, любитъ сельское хозяйство и въ развитіи любви къ труду и усовершенствованію быта видитъ весьма дѣйствительное подспорье духовнаго совершенствованія и сближенія съ паствою и слѣдовательно, съ церковью. Пользуясь совмѣстной съ крестьянами работой, онъ старается показывать имъ разные приемы усовершенствованія ихъ хозяйства, надѣясь этимъ путемъ

войти въ довѣріе и сблизиться съ населеніемъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старается въ дружескихъ бесѣдахъ наставлять ихъ духовно. Но такъ какъ администрація о бытѣ народа заботится лишь предписаніями, бумажно, такъ какъ крестьянскіе начальники являются не „наставниками“, а лишь „начальниками“, школа народа совершенно не воспринимается, а между священниками еще этотъ способъ работы не принятъ, то и отецъ Тихонъ является единицею, которой вся обстановка сопротивляется. Отсюда безполезныя усилія и со временемъ упадокъ энергій. Изъ своихъ скудныхъ средствъ онъ выписывалъ и раздавалъ сѣмена огородныхъ растений, собственноручно устроилъ для крестьянъ насосъ для поливки огородовъ въ бездождье, но насосъ былъ разобранъ и пропитъ. Онъ подалъ проектъ о преподаваніи ремеселъ и началъ сельскаго хозяйства при Иркутской духовной семинаріи какъ средство для практическаго сближенія съ народомъ, но ходу этой мысли дано не было и она заглохла.

Вѣра стоитъ тѣмъ прочнѣе, чѣмъ ближе и постояннѣе общеніе съ пастыремъ. Поэтому первою заботою начинающаго миссіонера должно быть установленіе этого общенія, путемъ привлеченія на свою сторону симпатій населенія. Симпатія породитъ довѣріе, довѣріе породитъ послушаніе и затѣмъ подчиненность. Но обаятельности личности проповѣдника слѣдуетъ отвести первое мѣсто. Онъ долженъ правиться, чтобы привлечь.

Коль скоро проповѣдникъ заручился симпатіей народа, онъ входитъ въ роль воспитателя. Ставъ на эту почву, онъ долженъ испытанными приемами вести къ определенной цѣли. Для успѣха общаго дѣла нужна солидарность между всѣми миссіонерами нужно, чтобы въ тождественныхъ случаяхъ всѣ они дѣйствовали одинаково и всегда въ духѣ своего ученія. Это будетъ служить наглядной проповѣдью. Тогда каждый изъ нихъ явится исполнителемъ воли посланшаго. Въ каждомъ будетъ сквозить законъ, который онъ собою представляетъ и населеніе въ обаятельности учителя будетъ чувствовать и видѣть обаятельность ученія.

Только этимъ способомъ можно приучить народъ къ исполненію обрядовъ и дать почувствовать теплоту ученія.

Лучшимъ стимуломъ для плодотворной дѣятельности здѣсь, какъ и во всякомъ живомъ дѣлѣ, является призваніе, но это весьма рѣдкое качество съ значительнымъ успѣхомъ замѣняется „сознаніемъ долга“, при наличности котораго непосвященная толпа принимаетъ добросовѣстность за искренность, а лицо, упражняющееся сначала въ добросовѣстности, со временемъ, въ силу привычки къ подобному самовнушенію, дѣйствительно становится искреннимъ, согласно мѣткой французской поговоркѣ: «à force de forger on devient forgeron».

Въ культурномъ отношеніи русское населеніе, повидимому, является отстающимъ сравнительно съ приходящими сюда переселенцами. По крайней мѣрѣ, всюду слышится высказываемая надежда, что переселенцы научать мѣстное населеніе земледѣлію и скотоводству. Эту надежду высказываютъ какъ лица интеллигентныя, такъ и сами крестьяне.

Во время поѣздки моей вдоль Якутскаго тракта ко мнѣ обратился мой ямщикъ: „Вотъ, слава Богу, теперь переселенцы насъ научать какъ и за скотинкой ходить. У насъ вдоль тракта, въ особенности, этимъ дѣломъ сельскимъ мало занимаются, избаловался народъ, легкаго заработка ищетъ, а скотъ по-бурятски держимъ. Коровы вовсе мало доятся. Вотъ скажу про себя: была у меня корова, два года вовсе молока давать перестала, продалъ я ее переселенцу. Смотрю черезъ двѣ недѣли не узнать моей и коровы-то. И въ тѣлѣ-то она, и молока давать помногу стала. Кормъ другой, да ухоть. Вотъ оно и есть“.

Во время поѣздки по р. Джидѣ въ селеніяхъ и станицахъ всюду слышится одно и тоже: русское населеніе распущено, лѣнливо, нигдѣ нѣтъ русскихъ мастеровъ, телѣги сладить не могутъ, кадушки для воды и тѣ приходится за 200 верстъ привозить, плуговъ нѣтъ, пахать сохами; огородовъ совсѣмъ мало; за то воровство, пьянство процвѣтають всюду. Въ сел. Нарымъ я замѣтилъ, что церковь обшивается и красится за-ново.

— Вотъ мнѣ всюду говорятъ, что рабочихъ нѣтъ,—обратился я къ священнику,—а вижу, что церковь-то ваша ремонтируется.

— Это не русскіе дѣлаютъ,—это буряты: русскихъ мастеровъ здѣсь нигдѣ нѣтъ, а если кто и занимается ремесломъ, такъ это навѣрное буряты.

Пріѣхавъ въ Торей, я сталъ разспрашивать про хозяйство крестьянъ.

— Однако плохо родится, суслики обижаютъ, весь хлѣбъ стѣбъ.

— А развѣ вы его не уничтожаете, не ловите?

— А куда его?

— Шкурки продадите, а хлѣбъ спасете.

— Да кто ихъ купить?

— Вотъ что,—предложилъ я,—дайте мнѣ для образчика нѣсколько шкурокъ, въ Петербургѣ я поразспрошу нельзя ли вамъ заказать какой на нихъ получить, чтобы еще и пользу изъ нихъ извлечь.

— А какъ ихъ поймаете? ужъ лучше вы это бурятамъ закажите, они мастера на этотъ счетъ.

— Вѣдь и вы не дѣти, дѣти ваши и то ловить умѣютъ, порки водой заливаютъ, справьтесь у бурятовъ, какъ ловить, да и ловите, а чтобы трудъ вашъ не пропадалъ, я вамъ по 5 коп. за шкурку дамъ.

— Нѣтъ, намъ не сподручно...

Но присутствовавшій при переговорахъ староста обѣщаль приказать наловить.

При проѣздѣ моемъ обратно черезъ это селеніе мнѣ приносятъ 5 шкурокъ. Въмѣсто обѣщанныхъ 5-ти копеекъ я имъ даю гривенникъ за шкурку. Они мнутъ.

— Маловато, надо бы прибавить, вчера въ воскресенье ловили...

Въ праздники въ этихъ селеніяхъ поголовное пьянство: пьютъ все отъ мала до велика. Я самъ видѣлъ подростковъ 12—13 лѣтъ, по нѣсколько человекъ вмѣстѣ, совершенно пьяныхъ и выкрикивающихъ непристойныя пѣсни. У всѣхъ

воротъ на заваленкахъ сидѣлъ народъ, но никому въ голову не пришло имъ даже сдѣлать замѣчанія, или выразить свое неудовольствіе. Это было въ порядкѣ вещей.

Въ селеніяхъ имѣются гдѣ приходскія, а гдѣ и школы министерскаго типа. Но русское населеніе смотритъ на школу съ недоувѣріемъ и полагаетъ, что учитель или учительница должны лишь пмъ угождать. Идетъ ли ученіе успѣшно, это ихъ не интересуеъ, учатся ли ихъ дѣти или лишь шалать— это ихъ не интересуеъ; и если заходитъ рѣчь объ учителѣ или учительницѣ, то съ сознаніемъ личнаго превосходства подчеркивается, что „мы, молъ, пмъ деньги платимъ и если они намъ не подходятъ, то составимъ приговоръ и выгонимъ“.

Что значить: не подходитъ?

А вотъ что.

Въ школѣ сел. Нарымъ учительница одного изъ дѣтей поставила за шалость къ стѣнѣ. Тотъ, не долго думая, беретъ шапку и бѣжитъ домой жаловаться. Черезъ нѣсколько минутъ прибѣгаетъ мать и набрасывается на учительницу: „какъ ты, наемная шкура, смѣешь сына моего обижать! мы тебѣ деньги платимъ и т. д., скажу мужикамъ, составятъ на тебя приговоръ и вонъ!“, затѣмъ на несчастную учительницу выливается цѣлый потокъ отборной деревенской брани.

Въ Боргайскую станицу къ учителю заходитъ изъ дальнихъ селеній книгоноша. Завязался разговоръ.

— Ну, какъ у васъ учитель?

— Неподходящій человѣкъ, мы скоро на него приговоръ составимъ.

— Что такъ?

— Да больно строго, то за уши оттаскаетъ, то безъ обѣда оставитъ.

— Вѣроятно шалуны?

— Да, ужъ извѣстно, шалуны.

— Развѣ онъ родителей не призываетъ, не жаловался, не проситъ на дѣтей повліять?

— Призывалъ, просилъ, такъ что-жъ, вѣдь каждому свое дите дорого.

Можно бы было на первый взгляд подумать, что при таком огражденіи дѣтей родителями, семейныя начала должны быть прочны. Между тѣмъ, на дѣлѣ выясняется обратное: повсюду жалуются на „развалъ семьи“. На сѣверѣ, на югѣ, на востокѣ и на западѣ посѣщеннаго мною раіона—повсюду мнѣ говорили одно и тоже: съ уничтоженіемъ тѣлеснаго наказанія замѣтенъ сильный упадокъ нравственности въ дѣтяхъ вообще и по отношенію къ родителямъ въ особенности. Во многихъ обществахъ составлены были приговоры, чтобы снова исходатайствовать право „пороть“ по приговору волостного суда. Многіе обращались къ приставамъ, прося похлопотать о возвращеніи этого права. Въ Агинской степи, на рѣкѣ Джидѣ, по Якутскому тракту, въ Балаганскомъ уѣздѣ мнѣ приходилось слышать жалобы на то, что съ тѣхъ поръ какъ тѣлесное наказаніе отмѣнено, съ молодежью сладу нѣтъ. Родителей ни въ грошъ не ставятъ, бьютъ стариковъ. Маленькіе мальчишки угрожаютъ родителямъ ножомъ и пожаромъ, матерямъ говорятъ: „а, ты мнѣ что? девятимѣсячная квартира, больше ничего!“. Силою и рядомъ у мировыхъ судей возникаютъ дѣла родителей съ дѣтьми изъ-за сыновьяго оскорбленія, или избіенія родителей.

Не разъ мнѣ въ разговорѣ со стариками приходилось слышать: „Плохо жить стало, молодежь и поучить нельзя, ихъ не тронь, теперь они сами за родителей принялись. Сладу нѣтъ, потому всякому озорничеству теперь законъ и огражденіе“!

Семья разваливается потому, что сдерживающее начало—сила отнята, а взамѣнъ ея не вложенъ эквивалентъ этого начала,—традиціонное воспитаніе, выдержка. Подобно семьѣ и самъ народъ падаетъ нравственно отъ той же причины. Не выработавъ въ народѣ воспитанія духа, родовыми традиціями вложеннаго въ сердце и совѣсть каждаго, нельзя его лишать сдерживавшей его силы. Свобода перестаетъ быть благомъ, когда она даетъ развиваться дурнымъ наклонностямъ общества.

Итакъ, авторитетъ церкви подорванъ, авторитета школы нѣтъ, авторитетъ родителей поколебленъ. Пьянство, грабежи, убійства свидѣтельствуютъ объ отсутствіи нравственнаго авторитета, остается одно—авторитетъ силы—законъ, начальство. Но увы, и его нѣтъ...

Въ Атамано-Николаевской станицѣ, Троицкосавскаго уѣзда въ 1905 году казакъ Пѣшковъ зарѣзалъ казака Москвитина.

Домъ убійцы находится наискось отъ дома его жертвы, въ которомъ проживаютъ отецъ, мать и жена убитаго. Въ теченіе четырехъ лѣтъ потерявшая семью видитъ свободно разгуливающаго по селу убійцу. Не знаю, состоялся ли затѣмъ прошедшимъ лѣтомъ судъ, но весною 1909 года убійца еще былъ на свободѣ. Что пережили и перечувствовали за эти четыре года жена и родители убитаго и какого они могутъ быть мнѣнія о силѣ и справедливости закона?

Въ сел. Среднемъ-Убукунѣ одинъ крестьянинъ выпустилъ кишки другому. Тотъ, проживъ 20 часовъ, умеръ въ полномъ сознаніи, указавъ священнику, понятымъ и фельдшеру своего убійцу. Послѣ него остались жена и трое дѣтей. Это было въ 1906 году, лѣтомъ 1909 года убійца еще гулялъ на свободѣ въ томъ же селеніи.

Въ Нижнемъ-Убукунѣ въ 1906 году молодой крестьянинъ зарѣзалъ старика. Судъ состоялся въ 1908 году, его признали ненормальнымъ и выпустили. Вернувшись, онъ тотчасъ же укралъ корову. Его посадили и затѣмъ выпустили. Теперь онъ сталъ профессиональнымъ воромъ, живетъ грабежами, его бояся и на него не доносятъ.

Въ Селенгинскомъ уѣздѣ у крестьянки убили сына. Проходитъ годъ, два,—убійца на свободѣ въ той же деревнѣ. Крестьянка подаетъ прошеніе губернатору, прося его заступиться за нее и наказать убійцу. Губернаторъ дѣлаетъ запросъ уѣздному начальнику, тотъ отвѣчаетъ, что дѣло у слѣдователя. Губернаторъ вынужденъ отвѣтить крестьянкѣ, что сдѣлать для нея ничего не можетъ, что дѣло идетъ законнымъ порядкомъ.

Фельдшеръ сел. Абакумовскаго мѣъ разсказалъ слѣдующій случай.

Въ сторону отъ Троицкосавска, верстахъ въ 40, проживаетъ въ одной изъ станицъ старуха. Дочь ея служить прислугой въ г. Троицкосавскѣ. Попла она навѣстить дочь. Отпуская старуху-мать домой, дочь даетъ ей на дорогу 4 рубля. По дорогѣ нагоняетъ старуху казакъ той же станицы. Ударомъ по головѣ сшибаетъ ее, отбираетъ 4 рубля и за-мертво бросаетъ ее въ кусты невдалекѣ отъ дороги. Двое другихъ казаковъ, ѣдущихъ слѣдомъ, слышатъ въ кустахъ стоны и видятъ какъ казакъ нѣсколько далѣе выѣзжаетъ изъ кустовъ на дорогу. Увидавъ въ кустахъ окровавленную старуху и догадавшись въ чемъ дѣло, они напали казака, завязали съ нимъ разговоръ и сообщивъ, что въ кустахъ кто-то стонетъ и что одни они боятся туда ѣхать, уговорили и его отправиться вмѣстѣ съ ними. Сначала онъ не соглашался, но потомъ по ихъ настоянію поѣхалъ съ ними. Старуха пришла въ себя и хотя ничего не могла говорить, все же признала въ приведенномъ казакѣ ея грабителя.

Тогда казаки связываютъ убійцѣ руки на спину, приводятъ его въ станицу, сдаютъ атаману и тотъ сажаетъ его подъ арестъ. Въ это же время въ этой станицѣ находился, для производства какого-то слѣдствія, слѣдователь. Ему докладываютъ о случившемся.

Онъ тутъ же объявляетъ, что казаки самовольно не имѣли права лишать свободы грабителя и что, поэтому, онъ приказываетъ его выпустить, а ихъ самихъ за своеволие сажаетъ подъ арестъ. Такъ и сдѣлалъ.

Тогда собравшея казаки станицы и стали отъ него требовать, чтобы онъ „ужъ если выпускаетъ злодѣя, невинныхъ-то людей не сажалъ“.

Слѣдователь вынужденъ былъ и ихъ выпустить.

Это было годъ тому назадъ. Лѣтомъ грабитель еще ходилъ на свободѣ. „У насъ“, заключилъ фельдшеръ, „такъ и говорятъ, что ни суда, ни управы нѣтъ и что лучше всего быть воромъ или убійцей, по крайней мѣрѣ, за нихъ всегда

заступаются. Теперь такъ у насъ и живутъ: чья возьметъ“.

Ожидая, пока мнѣ подадутъ лошадей, я вошелъ въ ближайшую избу, чтобы познакомиться съ обывателями. Въ довольно просторной избѣ на своей кровати сидѣлъ почтенный старикъ, держа въ рукахъ свою двухлѣтнюю правнучку. Я поздоровался и мы разговорились. Старикъ было 83 года, видъ бодрый, крѣпкій, словоохотливый и умный старикъ.

„Ну, скажите сами“, говорилъ онъ мнѣ, „какое же это правосудіе, убійцъ, воровъ жалѣють, отстанваютъ, а о труженникахъ, страдающихъ отъ этихъ же убійцъ, не подумаютъ. Вѣдь есть убійцы по 20, 30 и болѣе человекъ рѣжутъ, такъ нѣтъ, самая забота о немъ же объ убійцѣ, какъ бы кто надъ нимъ самоуправства, или обиды какой не учинилъ. Его законъ ограждаетъ. Отчего же законъ этихъ 20—30 человекъ зарѣзанныхъ спасти отъ него не сумѣлъ, ежели онъ справедливъ? По нашему по простому убилъ ты, такъ тутъ тебѣ и конецъ— вотъ и спасли остальныхъ. Нѣтъ, поймають и сейчасъ же опять на волю выпускають, говорятъ: судить будутъ по закону. Когда-то еще будутъ судить, а до тѣхъ поръ—рѣжь, да воруй! Вернется, да еще метить начинаеть, ты, дескать, на меня показывалъ, такъ вотъ же тебѣ! Его и впрямь бояться начинаютъ и на него не жалуются: живи какъ знаешь! Вѣдь опять выпустятъ. Зачѣмъ же убійцъ этихъ на насъ панускають, спрашиваю я васъ?“...

Вотъ еще про Тушканчика можетъ слышали. И сжалин-то его, и выпускали-то его, а и самъ онъ бѣгалъ; да загубилъ этотъ самый Тушканчикъ 105 душъ...

Что вы на это скажете? Подъ конецъ уже начальство его голову въ 2.000 рублей оцѣнило. Вотъ, молъ, чего этотъ человекъ стоитъ! А, если бы его по первому человеку вздернуть, такъ и не стало бы ему повадно другихъ рѣзать, да 104 человека бы отъ него спасли, да 2.000 рублей на дѣло бы пошли, а не на дунегубца. Вотъ у насъ и стали поговаривать: онъ тебя сегодня пожемъ, а ты его завтра топоромъ по головѣ, и концы въ воду. А то какъ начальство про то узнаетъ, такъ тебѣ же хуже; сейчасъ скажутъ: не смѣй, молъ,

за свое добро самъ стоять, на то законъ есть, все законъ разбереть! Да гдѣ-жъ этотъ законъ, кто его видитъ? Мало того, семью развращаютъ, сыновьямъ больно потачки даютъ. Прежде родителей больше почитали, потому, какъ я скажу, что сынъ непокоренъ, али что, такъ его судомъ и накажутъ, смотришь и люди были и уваженіе, а теперь—соплякъ лѣтъ двѣнадцати и тому не перечь, „я тебя ножемъ“, говоритъ, „гумно спалю, права“, говоритъ, „теперь больше нѣтъ, чтобъ пороть, на то указъ былъ“; и мать чего добраго прибѣтъ. Ты, говоритъ, мнѣ не мать, а,—простите за выраженіе,—просто е... мать!... вотъ что!

Посмотри въ праздникъ ребята малые и тѣ съ товарищами пьютъ да гуляютъ и нашироску въ зубахъ держать—ты, молъ, мнѣ не перечь! Кто, теперь, подати исправно платитъ—страдай, плати, ты молъ, честный! А кто урожай въ кабакъ снесъ, за коимъ недоимка, тому манихвестъ будетъ. Теперь всѣ и ждутъ манихвеста, да и бросили платить. Пусть, молъ, дураки платятъ, а мы манихвеста ждать будемъ.

А послушали бы, что молодежь говоритъ! Ты ему: тюрьма, говоришь, а онъ тебѣ въ глаза смѣется, вотъ нашель, молъ, чѣмъ пугать! Да, въ тюрьмѣ лучше, чѣмъ у тебя въ дому, ты, хоша мнѣ и отецъ, а на работу, небось, каждый день гоняешь, а мясо-то когда я ѣлъ у тебя? развѣ, что въ праздникъ. Да вѣчно, говоритъ, попрекаешь, что водку пью, да гуляю. А тамъ,—гляди и мясо-то тебѣ, и отдыхъ, и водку завсегда достать можно, и товарищи—есть съ кѣмъ поговорить. Вотъ вамъ и законъ! Теперь всѣ какъ тараканы и лѣзутъ въ тюрьму, и законы-то знаютъ, за что сколько мѣсяцевъ сидѣть. Вѣдь такъ и норовятъ, чтобы зиму отсидѣть, а весной на волю. Житіе: лѣтомъ гуляй, зиму въ тюрьмѣ коротай и всякая о тебѣ и забота и попеченіе.

Да, что вамъ говоритъ, вы, чай, и сами знаете, да такъ лишь, чтобы сердце сорвать... плюнуть да и только!“.

И старикъ, плюнувъ на полъ, направился къ двери, на порогъ обернулся, перекрестился на образъ, вздохнулъ и вышелъ.